ПРОСЛАВЛЕНИЕ НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ в XX в.: 10-летие исторического Деяния юбилейного Архиерейского Собора

Васильева О.Ю.

2010 г. в современной истории России запомнится многими событиями, важнейшим из которых стал десятилетний юбилей Архиерейского Собора, вошедшего в церковную историю как Собор прославления новомучеников и исповедников Российских XX в.

Безусловно, среди его Деяний есть и другие важнейшие: принятие «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви», новой редакции Устава, «Определение об Украинской Православной Церкви», «Определение о положении Православной Церкви в Эстонии» и др. Но прославление сонма новомучеников и исповедников XX в. явилось великим историческим событием, подведшим черту под трагическим столетием в жизни нашего народа.

Работа Собора, как известно, проходила с 13 по 16 августа 2000 г. Сто сорок четыре архиерея принимали в ней участие. Святейший Патриарх Алексий выступил с докладом «Русская Православная Церковь на рубеже веков», в котором затронул положение Церкви на рубеже столетий (На 2000 г. Московский Патриархат включал Японскую и Китайскую Автономные Церкви, 130 епархий, 128 епархиальных и 25 викарных архиереев, 545 монастырей, 19 417 приходов.)[1]

В конце своего выступления Патриарх подчеркнул: «Важнейшим деянием Собора должна стать канонизация многих подвижников, основную часть которых предлагается причислить. Их имена представлены Синодальной комиссией по канонизации святых, в основном по предложениям из епархий, и одобрены Священным Синодом»[2].

Русская Церковь, следуя древней традиции почитания святых, с самого начала своего бытия вела список свидетелей веры и молитвенных предстателей перед Богом, постоянно пополняя его новыми именами.

Правила, которыми руководствовалась Русская Православная Церковь при причислении подвижников к лику святых, в общих чертах напоминают правила Константинопольской Церкви. Основным критерием служил дар чудотворений, проявленный при жизни или по кончине святого, а в некоторых случаях — наличие нетленных останков. Сама канонизация имела три вида.

Наряду с ликами святых по характеру их церковного служения (мученики, святители, преподобные и пр.) различались святые и по распространенности их почитания — местнохрамовые, местноепархиальные и общенациональные.

Канонизация всегда мыслилась церковным сознанием как факт проявления в Церкви Святости Божией, действующей через облагодатствованного подвижника благочестия.

Свидетельством святости могли быть:

– Вера Церкви в святость прославляемых подвижников как людей, Богу угодивших и послуживших пришествию на землю Сына Божия и проповеди Святого Евангелия (на основании такой веры прославлялись праотцы, отцы, пророки и апостолы).

– Мученическая смерть за Христа или истязания за веру Христову (так прославлялись мученики и исповедники).

– Чудотворения, совершаемые святым по его молитвам или от честных его останков-мощей (преподобные, молчальники, столпники, мученики-страстотерпцы, юродивые).

– Высокое церковное первосвятительское и святительское служение.

– Большие заслуги перед Церковью и народом Божиим (канонизация царей, князей и равноапостольных).

– Добродетельная, праведная и святая жизнь, не всегда засвидетельствованная чудотворениями (так прославлялись благоверные князья, княгини).

– Свидетельством святости могло быть большое почитание его народом, иногда еще при жизни.

---

[1] См.: Русская Православная Церковь: XX век / рук. авт. колл. О.Ю. Васильева; отв. ред. архим. Тихон (Шевкунов). М., 2008. С. 771.

[2] Там же. С. 777.

По кончине подвижника почитающие его христиане составляли ему службу, тропарь и кондак, писали икону и житие. (В основе почитаний лежит какая-то сверхъестественная помощь от усопшего подвижника, однако по причине отсутствия записей о таких чудесах Церковь могла канонизировать праведника на основании его большого народного почитания.)

В разные исторические эпохи существования Церкви одно осталось неизменным: всякое прославление святых есть явление святости Божией, оно всегда совершается по благоизволению и волеизъявлению самой Церкви.

Главная трудность в подходе к вопросу канонизации новомучеников состояла в том, что в силу разных причин чисто церковный вопрос оказался включенным в контекст политической и идеологической борьбы, связанной с оценкой пережитых нашей страной тяжелейших событий XX в.

Следует подчеркнуть, что при канонизации новомучеников был прославлен собор новомучеников и исповедников. Поэтому была написана одна большая икона, общий тропарь и кондак.

Особенности были и в написании житий новомучеников, которые тем и отличаются от всех тех, кого Церковь ранее канонизировала, что они — наши современники. Поэтому в их житиях следовало не только учитывать классический опыт агиографического жанра, но и максимально приближать содержание к историческим реалиям. Если начать искусственно усиливать и приукрашивать их подвиг, мы просто не сможем почувствовать его по-настоящему.

Жизнеописание составлялось в тех епархиях, которые представляли материалы в комиссию по канонизации, и все они были строго документированы. Получается, что жизнеописание основано, с одной стороны, на памяти человеческой, на памяти Церкви, а с другой — на материалах государственных архивов. И это во многом определило юридические особенности канонизации, речь о которых пойдет ниже.

Канонизация новомучеников явилась рубежом в тысячелетней истории Русской Церкви. Ее действенность и глубина подтвердились большим количеством верных Христу и Его заповедям священников, епископов и мирян. Когда пришел срок, они страдали и не уклонились. Само страдание от них не зависело, но от них зависел тот путь, которым они шли.

Гонения на Церковь начались с первого дня существования победившей власти, ожесточенный характер приняли к середине 1918 г. и своего пика достигли в 1937–1938 гг. Правительственная комиссия по реабилитации жертв политических репрессий опубликовала следующие цифры: в 1937 г. было арестовано 136 900 православных священно- и церковнослужителей, из них расстреляно 85 300; в 1938 г. арестовано 28 300, расстреляно 21 500[3].

Совершая канонизацию новомучеников, Русская Церковь опиралась на примеры почитания мучеников в первые века христианской истории. Древние мученики почитались как святые уже по самому факту пролития ими крови в свидетельство своей веры в распятого и воскресшего Спасителя.

Но XX в. потребовал применить дополнительные критерии при подходе к канонизации, учитывая все сложности исторической эпохи.

Уже говорилось о том, что важнейшим источником для составления житий являются архивные документы государственных учреждений. Но в 1918–1921 гг. письменные источники были весьма скудны и состояли из ордера на арест и приговора к расстрелу, а порой отсутствуют и они. Этим объясняется факт, что точные даты смерти многих убиенных за веру установить невозможно. Епархиальные архивы, в которых могли находиться сведения о священниках, как правило, были уничтожены. Поэтому для того периода важны устные источники, в которых народная память сохранила и имена мучеников, и обстоятельства их гибели. Учитывались и данные местных церковных комиссий на местах, в епархиях. Они были созданы согласно постановлению Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917–1918 гг. Результаты их работы, сохранившиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации, были достаточны для принятия соответствующего решения.

Период с 1922 г., когда в Церкви появились расколы, в первую очередь обновленческий, инспирированные государственной властью, требует очень тщательного изучения.

Как известно, Священный Синод 26 декабря 1995 г. одобрил выработанные Комиссией по канонизации «Историко-канонические критерии в вопросе о канонизации новомучеников Русской Церкви в связи с церковными разделениями XX века». Эти критерии легли в основу изучения обстоятельств жизни и смерти новомучеников и исповедников.

[3] См.: *Яковлев А.Н.* По мощам и елей. М., 1995. С. 94—95.

Главный вопрос заключался в следующем. Можно ли в строго церковном смысле считать мучениками тех, кто испивал чашу страданий, находясь в расколах и разделениях, и в них завершил свою земную жизнь?

Ни в отношении обновленческого, ни в отношении григорианского священства и мирян, которые тоже стали жертвами репрессий в конце 30-х гг., вопрос о возможности канонизации не стоял. Это касалось и павших жертвами репрессий самосвятов-липковцев и других, позже возникших группировок украинских автокефалистов. Грех раскола, по учению святых отцов, не смывается и кровью мученичества. Но в своей дисциплинарной практике Православная Церковь иначе относится к «правой» оппозиции, чаще называемой «непоминающими». Их действия были обусловлены по-своему понимаемой заботой о благе Церкви. «Правые» архиереи, клирики и миряне не соглашались с церковно-политической линией митрополита Сергия (Страгородского), прекратили возношение его имени как Заместителя Патриаршего Местоблюстителя за богослужением, таким образом прервав каноническое общение с ним. Они считали, как и сам митрополит Сергий, главой Церкви митрополита Петра (Полянского) — Местоблюстителя Патриаршего Престола, находившегося в этот период (1928 г.) в далекой ссылке.

Такие «правые» оппозиционеры, как митрополит Казанский Кирилл (Смирнов; 1863–1937), епископ Глазовский Виктор (Островидов; 1875–1934), были канонизированы Собором.

Канонизированы были и архипастыри, и пастыри, которые никогда не разрывали общения с законной церковной властью в лице митрополита Петра (Полянский; 1862–1937) и Сергия (Страгородский; 1867–1944), и чье праведное житие было увенчано мученической кончиной в 30-х гг. Среди них: архиепископ Калужский Августин (Беляев; 1886–1937), архиепископ Семипалатинский Александр (Щукин; 1891–1937) и многие другие.

Прославлены были и те, кто, перенеся тюрьмы и ссылки, умер на воле. Это и митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский; 1854–1928), и епископ Ковровский Афанасий (Сахаров; 1887–1962).

Теперь несколько слов об особенностях подхода к канонизации новомучеников. Каждый конкретный случай прославления требовал детального изучения архивных материалов, особенно допросов. Оснований для канонизации лиц, которые оговорили на следствии себя или других, что привело к аресту и гибели ни в чем не повинных людей, несмотря на то, что они пострадали, естественно, быть не могло. Если были выявлены случаи малодушия, проявленного в ходе следствия, это также лишало оснований для канонизации, поскольку канонизация — свидетельство святости и мужества.

Теперь об объективности следственных документов. Чаще всего они являются записью того, что диктовал следователь. Схема примерно одинаковая: предъявление ложного масштабного обвинения (либо заговор, либо контрреволюционная партия). Дальше необходимо было любым способом выбить у подсудимого признание этого чудовищного обвинения. Считалось, что признание подсудимого является достаточным основанием для его осуждения. На этом юридическом абсурде основывалось все следствие. Сейчас невозможно установить все способы воздействия, которые тогда применялись. В 30-х гг. использовался так называемый конвейер, когда менялись следователи, а подследственный оставался на допросе в течение нескольких суток. Шантаж, когда грозили арестом жены и детей, а с 1935 г. — жесточайшие пытки. Поэтому при изучении следственных дел были выработаны определенные критерии, по которым такие материалы не могли быть источником для рассмотрения возможности канонизации. Это следующие положения:

1) человек стал тайным агентом ГПУ-ОГПУ-НКВД и занимался доносительством, но окончил свой путь в лоне Церкви;

2) начал сотрудничать со следствием в надежде облегчить свою участь;

3) не выдержал мучений под пытками, назвал кого-то по требованию следователя в надежде, что не усугубит этим страданий названного, так как он все равно уже арестован;

4) будучи изобличенным материалами, взятыми при обыске, не смог отрицать своего знакомства или переписки, что могло привести к новым арестам. Следует отметить, что поведение большинства клириков и мирян на следствии было лишено оговора и лжесвидетельства против себя и ближних[4].

[4] См.: *Воробьев В., прот.* Особенности документов следственных дел 20-40-х годов // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института. М., 1997. С. 166.

Наряду с поименным прославлением подвижников Русская Церковь прославила безымянных новомучеников и исповедников российских XX в., пока неизвестных людям. Канонических и литургических препятствий для прославления безымянных мучеников, пострадавших за Христа в единении с Церковью, нет. Церковь совершала такое прославление с древности. Безымянные мученики поминаются не менее 70 раз в году.

Есть еще ряд особенностей, связанных с канонизацией новомучеников. Известно, что останки мучеников или исповедников после их канонизации почитаются как святые мощи. Останки почти всех пострадавших в годы гонений покоятся либо в местах, где происходили массовые расстрелы и захоронения, либо в братских могилах. Опознать их невозможно, тем более, что на многих местах массовых захоронений нередко строились новые кварталы городов. В этом случае Церковь оставляет вопрос о святых мощах на Божие произволение.

Проблема канонизации новомучеников неразрывно связана с канонизацией императора Николая II и его семьи. Известно, что Русская Зарубежная Церковь канонизировала царскую семью в 1981 г. Тогда это вызвало неоднозначную реакцию в среде русской эмиграции. Многие не увидели для канонизации убедительных оснований.

Ставя перед собой задачу подготовки к канонизации царской семьи, Русская Православная Церковь исходила из того, что это должно способствовать объединению, а не давать поводов для политической борьбы и противостояния. С начала 90-х гг. внимательно изучались темы, освящающие и события 1905 г., и отречение, и отношения с Г. Распутиным через призму православного отношения к этим событиям. Главный довод противников канонизации сводился к тому, что гибель Николая II и его семьи не может быть признана мученической смертью за Христа. Комиссия же рассматривала возможность канонизации в лике святых страстотерпцев. В русской православной традиции такими были святые, которые, подражая Христу, с терпением переносили физические, нравственные страдания и смерть от рук политических врагов. В истории Русской Церкви страстотерпцами были святые благоверные князья Борис и Глеб, Андрей Боголюбский, явившие своим подвигом высокий образец нравственности и терпения.

Противники канонизации Николая II внимательно изучали его политику, как государственную, так и церковную, считая его отречение церковно-каноническим преступлением, подобным отказу представителя церковной иерархии от священного сана.

Русская Церковь считает, что это заявление не имеет серьезных оснований, так как канонический статус миропомазанного на Царство православного государя не был определен в церковных канонах, и рассматривает отречение как факт, связанный и с его личными качествами, и с тогдашней политической ситуацией.

Отношения с Г. Распутиным Русская Церковь оценивает как проявление человеческой немощи, не видя в них признаков духовной прелести, а тем более недостаточной воцерковленности.

Следует отметить, что в жизни Николая II было два неравных периода по продолжительности и духовной значимости — время царствования и время заключения. Комиссия по канонизации особенно внимательно изучала последние дни императора и его семьи, связанные со страданиями и мученической кончиной. В эти дни они поднялись на удивительную нравственную высоту, которая проистекала не из их царского достоинства, а от внутреннего духовного состояния.

Прославление состоялось.

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем: соборное прославление сонма поименованных и неименуемых новомучеников и исповедников стало величайшим церковным деянием тысячелетней истории Русской Православной Церкви, а Архиерейский Собор 2000 г. навсегда вошел в церковную и гражданскую историю.

© Васильева О.Ю., 2010